

**МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Айзек Азимов
Глаз наблюдателя
Серия «Рассказы о демоне Азазеле»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158037
Миры Айзека Азимова. Книга 12: Полярис; Пуга; 1994
Оригинал: IsaacAsimov, "The Eye of the Beholder"
Перевод:
Михаил Борисович Левин*

Аннотация

У Джорджа (рассказ Айзека Азимова «Глаз наблюдателя» из серии об Азазеле) была знакомая – Мелисанда Ренн. Она отличалась тем, что была уж очень некрасивой. Как-то она встретила подобного себе «красавца» Октавиуса Отта. Они поженились и жили в любви и согласии. Ради Октавиуса она упростила Джорджа помочь ей...

Айзек Азимов

Глаз наблюдателя

Мы с Джорджем сидели на бульварной скамейке, глядя на широкий пляж и сверкающее вдали море. Я предавался невинному удовольствию разглядывания молодых дам в бикини и праздным мыслям о том, чем таким могла бы вознаградить их жизнь, что было бы хоть вполтину достойно той красоты, которую они ей придают.

Зная Джорджа уже не первый день, я не без оснований подозревал, что его мысли не ограничивались столь благородными этическими рассматриваниями. Я был уверен, что они относятся к гораздо более утилитарным аспектам существования юных дам.

Поэтому я с удивлением отреагировал на первые произнесенные им слова:

– Смотрите, старина, мы здесь сидим и упиваемся божественными красотами природы, принявшими вид прекрасных юных жен, – хорошая, кстати, получилась фраза, – а в то же время истинная красота не очевидна, да и не может ею быть. Истинная красота настолько драгоценна, что должна быть скрыта от глаз ординарного наблюдателя. Вам это не приходило на ум?

– Нет, – ответил я. – Я никогда так не думал, а теперь, когда вы это сказали, тем более не думаю. Более того, я считаю,

что и вы так не думаете.

Джордж вздохнул:

– Разговор с вами, милый друг, напоминает плавание в патоке – малый результат ценой больших усилий. Я видел, как вы смотрели на эту высокую богиню, чьи два клочка текстиля только подчеркивали смысл тех нескольких квадратных дюймов, кои им положено скрывать. Но ведь вы не можете не понимать, что она выставляет лишь сугубо внешние атрибуты красоты.

– Я никогда не просил от жизни многого, – сказал я. – Сугубо внешние атрибуты такого рода меня вполне устраивают.

– Но вы подумайте, насколько красивее была бы любая молодая женщина, даже для глаз человека некомпетентного, как вы, обладай она вечными достоинствами доброты, любви к ближнему, жизнерадостности, неунывающего оптимизма – короче, всеми добродетелями, украшающими женщину, подобно золоту и мирре.

– А я думаю, Джордж, что вы пьяны. Что, ради всего святого, можете вы знать об этих или вообще о каких бы то ни было добродетелях?

– Я их знаю досконально, – внушительно ответил Джордж, – ибо совершенствуюсь в них усердно и во многом преуспел.

– Наверняка, – согласился я, – только в своей комнате и в полной темноте.

Игнорируя ваше грубое замечание (продолжал Джордж), я тем не менее считаю долгом объяснить, что, если бы даже я лично не имел таких добродетелей, я бы узнал о них из-за знакомства с молодой женщиной по имени Мелисанда Отт, урожденной Мелисандой Ренн, которая своему любящему мужу была известна как Мэгги. Я ее тоже знал под этим именем, потому что она была дочерью моего друга, ныне, увы, покойного, и всегда называла меня «дядя Джордж».

Должен сознаться, что во мне, как и в вас, есть некоторое пристрастие к тому, что вы назвали «сугубо внешними атрибутами»... Я знаю, что я первый сказал эти слова, но мы ни к чему не придем, если вы будете постоянно перебивать меня из-за каждой мелочи.

В силу этой моей маленькой слабости я должен также признать, что, когда она, увидав меня, бросалась мне на шею с радостным визгом, испытываемое мною удовольствие от такого события было бы несколько больше, если бы она была сложена более пропорционально. Она была очень худа, и выступающие кости преобладающе кололись. Большой нос, слабо выраженный подбородок, волосы жидкие и прямые, мышинного цвета, а глаза – какие-то неопределенно серо-зеленые. Со своими широкими скулами она больше всего напоминала шимпанзе, который только что напихал за щеки приличный запас орехов. Короче, она не принадлежала к тем молодым женщинам, от одного появления которых молодые люди начинают учащенно дышать и стараются пододвинуться

поближе.

Но у нее было доброе сердце. Она легко, с улыбкой, переносила, когда какой-нибудь впервые представленный ей без предупреждения молодой человек отшатывался и бледнел. С той же грустной улыбкой она перебивалась подружкой на свадьбе у всех своих подруг. Многим детям она была крестной, еще большему числу – нянькой, а уж в искусстве кормить из бутылочки она могла бы заткнуть за пояс любую профессиональную сестру.

Она носила суп достойным беднякам и недостойным тоже, хотя многие творили, что недостойные достойны этого гораздо больше. Она выполняла разные работы в местной церкви – за себя и за своих подруг, которые предпочитали самозабвенной службе греховные развлечения в виде кино-театров. Она вела уроки в воскресной школе, и дети очень эти уроки любили из-за тех забавных гримас, которые она им строила (так они думали). Часто она наставляла их в изучении девяти заповедей (та, в которой говорилось о прелюбодействе, пропускалась, так как опыт показал, что она вызывает неудобные вопросы). Еще она служила добровольцем в местной публичной библиотеке.

Естественно, она потеряла всякую надежду выйти замуж еще в четыре года. Когда ей исполнилось десять, даже случайные встречи с представителем противоположного пола воспринимались как несбыточная мечта.

Она много раз мне говорила:

– Не думайте, что я несчастна, дядя Джордж. Пусть мир мужчин для меня закрыт – за исключением вашей дорогой особы и памяти о бедном батюшке – но намного больше счастья в том, чтобы творить добро.

Она посещала заключенных в окружной тюрьме, дабы побудить их к раскаянию и обратить к добру. Только двое из всех заключенных оказались настолько глупы, что потребовали в дни ее посещений перевода в одиночку.

Но однажды она познакомилась с Октавиусом Оттом, новоприбывшим молодым, но уже занимавшим ответственный пост инженером местной электрической компании. Это был замечательный молодой человек – основательный, предприимчивый, осмотрительный, смелый, честный и достойный, но при самом большом желании его нельзя было назвать красивым.

Под выпадающими – точнее, выпавшими – волосами был расположен бульбообразный лоб, под ним – бесформенный нос, тонкие губы, по бокам головы – неимоверно оттопыренные уши, а на тощей шее – выступающий кадык, никогда не пребывавший в покое. То, что еще оставалось от волос, было ржавого цвета, а на руках и лице беспорядочно толпились веснушки. Я присутствовал при первой случайной встрече Октавиуса и Мэгги на улице. Оба они не ожидали ничего подобного, и оба реагировали как пара норовистых лошадей, перед которыми вдруг выскочила дюжина клоунов в дюжине

париков и дунула в дюжину свистков. На секунду мне показалось, что Мэгги и Октавиус сейчас развернутся и удерут.

Но эта секунда прошла, и каждый из них успешно подавил приступ панического ужаса. Мэгги только прижала руку к сердцу, как будто боясь, что сейчас оно выпрыгнет из грудной клетки в поисках более безопасного убежища, а он потер лоб рукой, словно отгоняя кошмарное воспоминание. Я уже был несколько дней знаком с Октавиусом и представил их друг другу. Каждый нерешительно протянул руку, как будто боясь подкрепить ощущением зрительный образ.

Позже в тот же вечер Мэгги после долгого молчания сказала мне:

– Какой странный вид у этого молодого человека – мистера Отта.

Я ответил с той свойственной мне свежестью метафоры, что всегда так восхищает моих друзей:

– Не следует, дорогая, судить о книге по обложке.

– Но ведь обложка тоже существует, дядя Джордж, – серьезно возразила она, – и с этим приходится считаться. Позволю себе сказать, что обычная молодая женщина, легкомысленная и не слишком чувствительная, не стала бы общаться с мистером Оттом. Поэтому было бы добрым делом показать ему, что не все молодые женщины столь поверхностны, но по крайней мере одна из них не отвернется от человека на том только основании, что он похож на... на... – она задумалась, но так как не могла вспомнить ничего похо-

жего из животного царства, закончила: – ... на то, на что он похож, Мне следует проявить к нему внимание.

Мне неизвестно, был ли у Октавиуса конфидент, которому он мог бы сделать подобное заявление. Скорее всего нет, потому что очень мало кто из нас, если вообще кто-нибудь, имеет счастье числить среди своих близких дядю Джорджа. Тем не менее, учитывая последующие события, я уверен, что ему пришли в голову те же мысли – конечно, с соответствующей заменой действующих лиц.

Так или иначе, каждый из них постарался отнестись к другому с теплотой и добротой, сначала осторожно и робко, потом увлеченно и, наконец – страстно. Редкие встречи в библиотеке перешли в походы в зоопарк, потом в кино по вечерам, затем на танцы, которые вскоре сменились – извините мой язык – свиданиями.

Люди уже начинали, видя одного из них, тут же искать взглядом другого, поскольку привыкли к тому, что эта пара неразлучна. Часть соседей активно жаловалась, что двойная доза Октавиуса и Мэгги – это больше, чем можно требовать от выносливости обычного человеческого глаза, и среднемесячные расходы на солнечные очки резко возросли.

Не скажу, чтобы я совсем не сочувствовал этим крайним взглядам, но были и другие – более терпимые, а может быть, и более разумные, которые утверждали, что по какому-то странному стечению обстоятельств специфические черты каждого из них противоположны друг другу и взаим-

но компенсируются, так что их легче выносить, когда они вместе. По крайней мере так считалось.

Наконец наступил день, когда Мэгги вбежала ко мне домой и заявила:

– Дядя Джордж, Октавиус – смысл и свет моей жизни. Он сильный, стойкий, строгий, серьезный и стабильный. Он прекрасен.

– Внутренне – да, моя милая. В этом я уверен. Что же касается его внешности, то он...

– Превосходен, – сказала Мэгги сильно, стойко, строго, серьезно и стабильно. – Дядя Джордж, он испытывает ко мне те же чувства, что и я к нему, и мы решили пожениться.

– Вы с Оттом? – спросил я слабеющим голосом. Перед моим мысленным взором невольно мелькнул образ возможных последствий такого брака, и мой голос предательски пресекся.

– Да, – ответила она. – Он мне говорит, что я – солнце его жизни и луна его радости. А еще он добавил, что я – все звезды его счастья. Он очень поэтичен, дядя Джордж.

– Да, похоже, – сказал я, пытаюсь не выдать голосом сомнения. – И когда вы планируете свадьбу?

– Как можно скорее, – заявила Мэгги.

Мне оставалось только скрипнуть зубами. Прошло оглашение, были выполнены все формальности, и, наконец, состоялась свадьба, на которой я был посаженным отцом невесты. Явилась вся округа, которая до конца в это не вери-

ла. Даже священнику иногда не удавалось скрыть удивление. Нельзя сказать, что хоть кто-нибудь приветствовал молодую чету счастливым взглядом, Во все время церемонии публика с интересом изучала собственные ботинки. Все, кроме священника. Его твердый взгляд не отрывался от потолка.

Вскоре после этого я должен был переехать в другую часть города и потерял контакт с Мэгги. Но где-то лет через одиннадцать я вернулся в связи с инвестициями в работу некоего моего друга по изучению скаковых лошадей. Я выкроил возможность навестить Мэгги, которая обладала, кроме прекрасно спрятанной красоты, талантами великолепной поварихи. Я угадал к ленчу. Октавиус уже ушел на работу, но я, как человек альтруистичный, доел за него его порцию.

Однако я не мог не заметить, что на лице у Мэгги лежала какая-то тень печали. Когда мы уже пили кофе, я спросил:

– Мэгги, что-нибудь не так? Ваш брак не оказался счастливым?

– Ну, что вы, дядя Джордж, – энергично возразила она, – наш брак заключен на небесах. Хотя мы и бездетны, мы так заняты друг другом, что почти и не чувствуем этого лишения. Мы простокупаемся в вечной любви, и больше нам просить у жизни нечего.

– Понимаю, – сказал я, с трудом удержавшись от комментариев. – Но почему тогда у тебя на лице какая-то грустная тень?

Она заколебалась, но потом ее прорвало:

– Вы такой чуткий, дядя Джордж, от вас ничего не скро-
ешь. Да, есть одна вещь, которая подсыпает песок в колеса
счастья.

– И это?

– И это – моя внешность.

– Твоя внешность? А что тебя не устраивает... Окончание
фразы я проглотил, не будучи в силах его подобрать.

– Я некрасива, – сказала Мэгги таким тоном, каким сооб-
щают очень глубокую тайну.

– А! – сказал я.

– А я хотела бы быть красивой – ради Октавиуса, Я хочу
быть симпатичной только для него.

– А он когда-нибудь делал замечания насчет твоей внеш-
ности? – осторожно спросил я.

– Октавиус? Конечно, нет. Он гордо страдает молча.

– Откуда же ты тогда знаешь, что он страдает?

– Так мне подсказывает женская интуиция.

– Но, Мэгги, ведь Октавиус и сам – ну, не очень красив.

– Как вы можете? – возмутилась Мэгги. – Октавиус пре-
красен!

– А он, наверное, думает, что ты прекрасна.

– Ну, что вы, – сказала Мэгги. – Как он мог бы такое пред-
положить?

– Ладно. Он интересуется другими женщинами?

– Дядя Джордж! – Мэгги была шокирована, – Что за низ-

кая мысль! Вы меня удивляете. Октавиус ни на кого, кроме меня, не смотрит.

– Так какая тогда разница, красива ты или нет?

– Но ведь для него же. Дядя Джордж, я хочу быть красивой для него.

И вдруг, уткнувшись мне в плечо самым неожиданным и неприятным образом, она стала поливать слезами мой пиджак. Когда она закончила, его можно было выжимать.

Я тогда уже был знаком с Азазелом – демоном ростом в два сантиметра. Может быть, я вам о нем случайно... Послушайте, вот такое демонстративное бормотание: «Тошнит уже» – это просто неприлично. Те, кто пишет так, как вы, вообще не должны бы упоминать ничего, что связано с тошнотой читателя или слушателя.

Ладно, как бы там ни было, я вызвал Азазела.

Азазел явился спящим. У него на крохотной головке была надета сумка из какого-то зеленого материала, и только сопранный писк откуда-то из нее указывал на то, что он жив. И еще жилистый хвост время от времени выпрямлялся и дрожал с легким жужжанием.

Я несколько минут подождал, а когда он не проснулся, я аккуратно снял пинцетом сумку у него с головы. Он медленно открыл глаза и посмотрел на меня. Он сказал:

– Я сначала подумал, что это просто кошмар. А оказывается, еще противнее!

Игнорируя эти детские обиды, я перешел к делу:

– Есть работа, которую я хочу, чтобы ты для меня сделал.

– Естественно, – сказал Азazel. – Ты же не предполагаешь, что я ожидаю, что ты предложишь, что ты сделаешь для меня работу.

– Я бы сделал немедленно, – сказал я прочувствованным голосом, – если бы нашлась такая работа, которую человек с моими малыми возможностями мог бы сделать для столь могущественного существа.

– Что верно, то верно, – буркнул Азazel, смягчаясь.

Омерзительно видеть, хотел бы добавить я, как любой разум доступен лести. Вот, например, я видел, как вы сходите с ума от животной радости, когда у вас просят автограф. Но вернемся к моему рассказу.

– В чем дело? – спросил Азazel.

– Я хотел бы сделать женщину красивой.

Азazel пожал плечами:

– Я не уверен, что это у меня получится. Стандарты красоты вашего примитивного и водянисто-разбухшего вида довольно отвратительны.

– Уж какие есть. Я тебе расскажу, что делать.

– Ты мне расскажешь?! – завопил он, дрожа от ярости. – Ты расскажешь мне, как стимулировать и преобразовывать волосяные луковицы, как укреплять мышцы, как наращивать и рассасывать кости? И все это ты будешь рассказывать мне?

– Отнюдь, – смиренно ответил я. – Детальное управление механизмами, которыми будет выполнено это действие, может быть осуществлено лишь существом с твоими сверхъестественными способностями. Я лишь прошу позволения описать те сугубо внешние эффекты, которых надлежит достигнуть,

Азazel снова смягчился, и мы стали говорить о деле.

– Не забудь, – попросил я, – чтобы эффект проявился постепенно – дней этак за шестьдесят. Слишком быстрая перемена может вызвать пересуды.

– Не хочешь ли ты сказать, – спросил Азazel, – что мне придется провести шестьдесят дней за надзором, регулировкой и коррекцией? По-твоему, мое время ничего не стоит?

– Но ведь ты сможешь описать эту работу в биологических журналах твоего мира. Для выполнения такой работы мало у кого из твоих соплеменников хватило бы умения или терпения.

Азazel задумчиво кивнул:

– За дешевой популярностью – я, разумеется, не гонюсь, – сказал он, – но я думаю, что должен подать пример меньшей братии нашего мира. – Он вздохнул, хотя вздох получился больше похож на тонкий свист. – Хлопотная и нудная работа, но это мой долг.

А у меня был свой долг. Я считал необходимым оставаться поблизости в течение всего времени изменения. Мой игравший на скачках приятель дал мне приют в обмен на мои

советы и экспертизу прошедших заездов и благодаря этому проиграл очень мало.

Каждый день я под тем или иным предлогом встречался с Мэгги и замечал все более и более явные перемены. Волосы стали пушистее и легли волной, обещая завиться в золотые кудри.

Постепенно стал выступать подбородок, скулы становились тоньше и выше. Цвет глаз сместился к синему и с каждым днем становился все сочнее и сочнее, почти переходя в фиалковый. У век появился топкий восточный разрез. Уши стали обретать изящную форму, и на них появились мочки. Фигура мало-помалу округлялась, а талия становилась тоньше. Знакомые были озадачены. Я сам слышал, как ее спрашивали:

– Мэгги, что ты с собой сделала? У тебя чудесные волосы, и ты вообще стала на десять лет моложе.

– Я ничего с собой не делала, – отвечала Мэгги. Она была озадачена, как и все остальные – кроме меня, разумеется.

Меня она спрашивала:

– Дядя Джордж, вы не находите, что я изменилась?

– Ты прекрасно выглядишь, Мэгги, – отвечал я, – но для меня ты всегда прекрасно выглядела.

– Может быть, – говорила Мэгги, – но для себя я никогда до последнего времени не выглядела хорошо. И я этого не понимаю. Вчера на меня уставился какой-то наглый молодой человек. Раньше они всегда старались проскочить мимо и

прятали глаза, а этот – подмигнул. Меня это так поразило, дядя Джордж, что я даже ему улыбнулась.

Две-три недели спустя я встретил около ресторана ее мужа Октавиуса. Я стоял и изучал выставленное в окне меню. Поскольку он собирался зайти внутрь и заказать обед, у него не заняло много времени пригласить меня к нему присоединиться, а у меня заняло еще меньше времени это приглашение принять.

– У вас не слишком счастливый вид, Октавиус, – сказал я.

– Я действительно не слишком счастлив, – ответил он. – Я не знаю, что случилось с Мэгги в последнее время. Она так рассеянна, что почти меня не замечает. Она всегда хочет быть на людях. А вот вчера...

– Вчера? – переспросил я. – Что вчера?

– Вчера она попросила называть ее Мелисандой. Я же не могу называть Мэгги таким смешным именем – Мелисанда.

– А почему? Это имя ей дали при крещении.

– Но ведь она – моя Мэгги. А Мелисанда – это кто-то другой.

– Да, она слегка переменилась, – заметил я. – Вы не заметили, что она стала гораздо красивей?

– Да, – сказал Октавиус. Как будто зубами лязгнул.

– Ведь это хорошо?

– Нет! – отрубил он еще резче. – Мне нужна моя простая Мэгги с ее смешным личиком. А эта новая Мелисанда все время возится со своими волосами, мажется тенями то та-

кими, то этакими, меряет какие-то платья и лифчики, а со мной почти и не говорит.

До конца обеда он не сказал больше ни слова. Я подумал, что мне стоит увидеться с Мэгги и поговорить с ней как следует.

– Мэгги, – сказал я.

– Мелисанда, если вам не трудно, – поправила она меня.

– Мелисанда, – повторил я, – похоже, что Октавиус несчастлив.

– И я тоже, – ответила она довольно едко. – Октавиус становится таким нудным. Он не хочет выходить из дому. Не хочет развлекаться. Ему не нравятся мои новые вещи, моя косметика. Что он, в конце концов, из себя строит?

– Ты сама его считала королем среди мужчин.

– Ну и дура была. Он просто маленький уродец, на которого смотреть противно.

– Ты же хотела стать красивой только для него.

– Что вы имеете в виду – «стать красивой»? Я и так красивая. И всегда была красивая. Мне просто надо было сменить прическу и научиться правильно накладывать косметику. И я не дам Октавиусу стать мне поперек дороги.

Так она и сделала. Через полгода они с Октавиусом развелись, а еще через полгода Мэгги – теперь Мелисанда – вышла замуж за поразительно внешне красивого человека с мерзким характером. Однажды я с ним обедал, и он так долго мялся, принимая счет, – я даже испугался, что мне придется

принять его самому.

Октавиуса я увидел примерно через год после их развода. Он по-прежнему был неженат, поскольку вид у него был все тот же, и по-прежнему от его присутствия молоко скисало. Мы сидели у него дома, где всюду были развешены фото Мэгги, прежней Мэгги, одно другого уродливей.

– Вы все еще тоскуете по ней, Октавиус, – сказал я.

– Ужасно, – ответил он. – Могу только надеяться, что она счастлива.

– Насколько я знаю, это не так. Она могла бы к вам вернуться.

Октавиус грустно покачал головой:

– Мэгги уже никогда ко мне не вернется. Может быть, ко мне хотела бы вернуться женщина по имени Мелисанда, но я бы ее не принял. Она не Мэгги – моей любимой Мэгги нет.

– Мелисанда, – заметил я, – красивей, чем Мэгги.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

– А в чьих глазах? – спросил он. И сам ответил: – Только не в моих.

Больше я никого из них не видел.

Минуту мы сидели в молчании, а потом я сказал:

– Захватывающая история, Джордж. Вы меня тронули.

Более неудачный выбор слов в этой ситуации трудно было вообразить.

Джордж сказал:

– Это мне напомнило об одной вещи, старина, – не мог бы я одолжить у вас пять долларов этак на недельку? Максимум десять дней.

Я достал бумажку в пять долларов, поколебался и сказал:

– Джордж, ваша история того стоит. Возьмите насовсем. Это ваши деньги (в конце концов, любая ссуда Джорджу оборачивается подарком де-факто).

Джордж принял банкнот без комментариев и вложил его в изрядно потрепанный бумажник. (Он, наверное, был потрепан, еще когда Джордж его купил, потому что с тех пор не использовался.) А Джордж, сказал:

– Возвращаясь к теме; могу я одолжить у вас пять долларов на недельку? Максимум десять дней.

Я опешил:

– Но ведь у вас есть пять долларов!

– Это мои деньги, – сказал Джордж, – и вам до них дела нет. Когда вы у меня занимаете, разве я комментирую состояние ваших финансов?

– Да я же никогда...

Я осекся, вздохнул и дал Джорджу еще пять долларов.